

Сказано было: если что заметишь — руку вверх.

Неважно, окурок это или банка из-под колы. Заметил — вскинул руку.

А прикасаться — ни-ни.

Просто: руку вверх.

Начали с речки, пошли вброд. Двигаться велено было цепью — несколькими цепями; расстояние — двадцать шагов, сотня глаз шарит по поверхности. Мало ли что велено, они держались вместе. Танец проклятых так поставлен — чтобы вместе его исполнять.

Позади — опустевший город, еще недавно, до известия, гулкий в предвкушении очередного долгого лета.

Сисси Рэдли. Возраст: семь лет. Волосы белокурые. Все ее знали, инспектору Дюбуа даже не пришлось раздавать фотографии.

Уок стал крайним в цепи. У него, бесстрашного в свои пятнадцать, коленки при каждом шаге подгибались.

Шли, будто армия. Во главе — копы с фонариками. Вдали, за деревьями, за мельтешеньем сквозных лучей, светился ночной океан. Плавать Сисси Рэдли не умела.

Марта Мэй шагала рядом с Уоком. Они уже три месяца встречались, но дальше первой стадии отношений не продвинулись — отец Марты был священником в приходе епископальной церкви Литтл-Брук.

Марта стрельнула глазами на Уока.

— Не передумал копом становиться?

Сам Уок глядел Дюбуа в спину. Видел: плечи еще расправлены, значит, Дюбуа не теряет надежды.

— Стар идет в первом ряду, — продолжала Марта. — С отцом. Плачет.

Стар Рэдли, старшая сестра пропавшей девочки. Лучшая подруга Марты. Член их неразлучной четверки. Только сейчас в четверке одного человека не хватало.

— А где Винсент? — спросила Марта.

— Мы с ним утром виделись. Наверное, по той стороне пошел.

Уок и Винсент были как братья. В девять лет ладони надрезали, скрепили дружбу кровью и клятвой в вечной верности — что бы ни случилось, кем бы каждый из них ни стал.

Больше Уок и Марта не болтали. Под ноги смотрели. Молча пересекли Сансет-роуд, миновали дерево желаний. Загребали кедами прошлогоднюю листву. А улику Уок чуть не проворонил, даром что не отвлекался.

Точка — в десяти шагах от Кабрильо. Если по хайвею Стейт-роут-один считать — шестисотая миля Калифорнийского побережья. Уок застыл над находкой. Поднял глаза — увидел, что цепь движется дальше без него.

Он присел на корточки.

Туфелька. Красно-белая кожа, золоченая пряжка. Ехавший по шоссе автомобиль сбавил скорость, фары выцепили склонившегося Уока.

Тут-то он ее и увидел.

Вдохнул поглубже и вскинул руку.

Часть I

ТА, ЧТО ВНЕ ЗАКОНА

1

Уок стоял поодаль от разгоряченной толпы. Многих знал, сколько себя помнил; многие знали его, сколько себя помнили. Были еще приезжие, отпускники с фотоаппаратами и бездумными улыбками. Этим невдомек, что вода сейчас слижет далеко не одни только стены с крышей.

Здесь и репортерша с радиостанции «Кей-си-эн-эр».

— Пара вопросов, инспектор Уокер! Разрешите пару вопросов!

Он улыбнулся, сунул руки в карманы и хотел уже ответить, но в это мгновение толпа выдохнула, как один человек.

С характерным шорохом обрушилась кровля, поползла с обрыва в океан. Пошаговый распад; несколько минут — и дом умалается до фундамента, который в данном случае можно уподобить скелету. Жилище Фейрлонов; в детстве Уока отсюда до полосы прибоя было целых пол-акра. Год назад этот утес объявили опасной зоной, огородили. Приезжали люди из Калифорнийского департамента дикой природы; делали замеры, фиксировали скорость почвенной эрозии.

Щелчки фотоаппаратов и оживление, не подобающее ни местным, ни чужим; грохот шифера, трещина по парадному крыльцу. Милтон, мясник, встав на одно колено, успел сделать кадр на миллион. Флагшток накренился, флаг обвис.

Младший сын Тэллоу подошел слишком близко. Мать схватила его за ворот, дернула с такой силой, что пацан шлепнулся на пятую точку.

Казалось, солнце падает в океан вместе с домом; водная гладь была раскромсана на полоски — оранжевые, лиловые, еще бог знает какие; названий оттенкам пока не придумали. Репортерша получила свое; интервью и пара снимков станут клочком истории — столь незначительным, что его выпадение не потянет даже на прореху.

Уок огляделся. Заметил Дикки Дарка. Великан — росту почти семь футов, глаза безучастные. Связан с недвижимостью. Владеет несколькими кейп-хейвенскими домами да еще клубом в Кабрильо. Заведение той руки, где порок идет по десять баксов, а разборчивость неуместна.

Прошел еще час. Ноги Уока затекли, а крыльцо все никак не отваливалось; когда же в итоге рухнуло — зрители подавили порыв заплодировать. Потоптались чуть и разошлись жарить барбекю, пить пиво, жечь костры — их отсветы скрасят Уоку вечернее патрулирование. Толпа пересекла мощенную плитами улицу, потекла вдоль серой стены, сооруженной методом сухой кладки, однако до сих пор не тронутой эрозией. За стеной рос огромный дуб, такой древний, что для его ветвей были сооружены подпорки. Кейп-Хейвен всеми силами пытался сохранить себя в прежнем виде.

Однажды, так давно, что те времена и считаются едва ли могли, Уок забрался на этот дуб вместе с Винсентом Кингом. И вот он стоит — одна дрожащая рука на рукояти табельного оружия, другая — на ремне, на шее галстук, воротник форменной рубашки будто из цемента, ботинки блестят. Кое-кто в Кейп-Хейвене восхищается привязанностью Уока к родным местам, кое-кто его за это жалеет. Инспектор Уокер — капитан судна, которое так и не покинуло порт.

Девочку он заметил боковым зрением. Она шла против течения толпы и тащила за руку брата, едва за ней поспевавшего.

Дачесс¹ и Робин, по фамилии Рэдли.

Ему пришлось пуститься бегом, чтобы нагнать детей.

Мальчику было пять. Он беззвучно плакал. Девочке было тринадцать. Она не плакала. Ни сейчас, ни вообще.

¹ Англ. слово duchess переводится как «герцогиня».

— Ваша мама, — произнес Уок с утвердительной интонацией. Констатировал факт столь трагический, что девочка даже не кивнула. Только развернулась и пошла первой.

Все трое двинулись по сумеречным улицам, мимо заборов из штакетника, мимо парадных дверей, украшенных гирляндами. Взошла луна. Она и направляла, и глумилась; обычное ее занятие в последние тридцать лет. Штакетник сменился зловеще-прекрасными виллами из экологичных стекла и стали; вилл была целая улица.

Дженесси-стрит, где Уок жил в старом доме, доставшемся ему от родителей, перетекла в Айви-Ранч-роуд. Вдали замаячил дом Рэдли. Приблизились. Облупленные ставни, перевернутый велик во дворе, рядом валяется колесо. В городках вроде Кейп-Хейвена контрасты особенно ярки.

Уок оставил детей, бросился к дому. Свет не горел, однако через окно он видел, как мигает в гостиной телеэкран. Робин продолжал плакать, взгляд девочки был тяжел и неумолим.

Стар, одетая полностью, но обутая лишь на одну ногу, лежала на диване. Рядом — бутылка. На сей раз обошлось без таблеток. Уок отметил, какая маленькая у нее ступня и какой свежий педикюр.

— Стар! — Он опустился на колени, похлопал ее по щекам. — Стар, очнись!

Уок говорил вполголоса, потому что под дверью ждали дети. Дачесс обнимала Робина; тот привалился к ней спиной, словно в маленьком его теле не осталось костей.

Уок велел девочке позвонить 911.

— Позвонила уже, — ответила Дачесс.

Пальцами он оттянул веки Стар, увидел только белки.

— Мама поправится? — пискнул Робин.

Уок поднял взгляд, прищурился на яркое небо. Хорошо бы раздалась сирена «Скорой помощи».

— Дачесс, ступай, «Скорую» встретить.

Девочка уловила посыл и вывела брата вон.

Стар содрогнулась всем телом. Ее вырвало, но несильно. Снова судорога, будто ее душа пребывала в руках Господа Бога (или, может, Смерти), и вот руки эти разжались. Целых

тридцать лет минуло после Сисси и Винсента Кинга, но голова у Стар, судя по ее речам, по-прежнему забита идеями этернализма — якобы прошлое и настоящее сталкиваются, время оборачивается вспять, никакого будущего быть не может, ничего не исправишь.

* * *

Дачесс уехала на «Скорой». Договорились, что позднее Уок привезет Робина.

Санитар долго хлопотал над матерью. Дачесс испытывала к нему благодарность — он в ее сторону дурацких улыбок не кроил. Санитар был немолодой, лысеющий; от усилий взмок. Наверное, его достало откачивать всяких, которые так и так не жильцы.

Они немного постояли возле дома. Для Уока эта дверь всегда была открыта. Он положил руку на плечико Робина. Знал, что мальчик нуждается во взрослом защитнике, утешается его кратковременным наличием.

В доме напротив шевельнулись занавески. Тени — и те выражали осуждение. Вдали Дачесс увидела ребят из своей школы. Раскрасневшиеся, они гнали на великах к их дому. Понятно. Там, где зонирование столь контрастное, что проблема выносится на первые полосы газет, новости быстро распространяются.

Двое мальчишек затормозили возле автомобиля Уока, спрыгнули на землю, даже вѣлики свои не поддержали, позволили им упасть. Тот, который повыше — запыхавшийся, с прилипшим ко лбу чубом, — осторожно двинулся к «Скорой».

— Умерла, что ли?

Дачесс вздернула подбородок, перехватила взгляд пацана и, удерживая его, выплюнула:

— Проваливай.

Заработал двигатель, дверь закрылась. Мир расплылся за тонированным стеклом. Автомобиль Уока и «Скорая» по очереди съехали по крутому спуску. Позади остался Тихий океан. Из воды у берега торчали скалы — словно головы утопающих.

Дачесс все смотрела в окно — пока не кончилась ее улица, пока деревья не соприкоснулись кронами, обозначив, что «Скорая» выехала на Пенсакола-стрит. Ветви были как ладони — смыкались в молитве за девочку и ее брата и разворачивались, как трагедия, старт которой был дан задолго до рождения их обоих.

* * *

Каждая ночь обрушивалась на Дачесс с неумолимой внезапностью, с посылом, что нового дня она не встретит — по крайней мере, в таком виде, в каком он является другим детям. Что до больницы «Ванкувер-Хилл», ее Дачесс знала как свои пять пальцев. Мать сразу повезли в палату. Дачесс застыла в коридоре, где полы, натертые до блеска, почти отражали ее фигурку. Она стояла, не отрывая взгляда от двери. Вскоре вошел Уок вместе с Робинем. Дачесс перехватила ручонку брата, повела его к лифту. Они поехали на второй этаж. В семейной комнате, при тусклом свете, Дачесс составила вместе два стула, выскользнула в коридор, взяла в подсобке несколько пышных одеял и устроила Робину постель. Мальчуган еле держался на ногах. Усталость обвела его глаза темными кругами.

— Писать хочешь?

Последовал кивок.

Дачесс отвела брата в уборную, осталась ждать. Через несколько минут под ее наблюдением он тщательно вымыл руки. Она нашла тюбик зубной пасты, выдавила каплю себе на палец и повозила по зубкам и деснам мальчика. Робин сплюнул, Дачесс промокнула ему рот.

В комнате она помогла брату разуться и вскарабкаться на импровизированную кровать. Он улегся, свернулся, как зверек. Дачесс подоткнула одеяло.

Казалось, больничная ночь удерживает взгляд Робина.

— Не бросай меня.

— Никогда не брошу.

— А мама поправится?

— Конечно.

Дачесс выключила телевизор. Комната погрузилась бы в полную тьму, если б не красная аварийная лампа. Свет был достаточно мягок, не мешал Робину заснуть. Дачесс шагнула к двери.

Вот так она и будет стоять, всю ночь продежурит. Никого сюда не пустит. Кому надо — пускай едет на третий этаж, там тоже есть семейная комната.

Через час пришел Уок. Раззевался, будто у него на то причина была. Дачесс знала, чем он занят по целым дням. Катается по хайвею от Кабрильо до Кейп-Хейвена и других таких же городков, что лежат на побережье. Красота немислимая; можно зажмуриться, открыть глаза в любой момент, глянуть в любую сторону — вид будет как фотка, снятая в раю. Ради этой красоты людям не влом тащиться через всю страну. Приезжают сюда к ним, дома скупают, которые потом по десять месяцев в году пустые стоят...

— Спит? — спросил Уок.

Дачесс кивнула.

— Я насчет мамы вашей узнал. Она поправится.

Второй кивок.

— Сходи возьми себе чего-нибудь в автомате — колы, например. Он там, сразу за...

— Знаю.

Дачесс обернулась. Брат спал крепко. Не шевельнется, пока его за плечико не потрясешь.

Уок протянул ей долларовую купюру, она заколебалась, но взяла.

Миновала коридор, купила в автомате содовую. Даже не пригубила — это для Робина. По дороге обратно к семейной комнате прислушивалась, когда могла — заглядывала в палаты. Писк младенцев, всхлипывания — жизнь. Иные пациенты лежали, подобно пустым скорлупкам. Эти — Дачесс знала — не оклемаются. Еще знала, что копы привозят сюда, в больницу, всяких отморозков — ручищи татуированы, рожи раскровянены. Поэтому и перегаром воняет. И хлоркой, и блевотиной, и дерьмом.

Дачесс прошла мимо дежурной медсестры. Получила улыбку. Ее тут почти все знали в лицо. Бедная девочка, вот же не повезло с мамашей...

Пока Дачесс не было, Уок притащил два стула, поставил под дверью. Дачесс села не прежде, чем проверила, не проснулся ли Робин.

Уок протянул ей жвачку, она отрицательно качнула головой.

Ясно: он хочет поговорить. Сейчас заведет про перемены: мама, типа, оступилась — с каждым случается, — но скоро всё будет иначе.

— Ты им не звонил.

Уок глядел вопросительно.

— В соцзащиту, говорю. Ты туда не звонил.

— А надо было.

Грусть в голосе. Будто Уок — предатель; либо Дачесс предаёт, либо значок свой полицейский.

— Но ты все равно звонить не станешь?

— Не стану.

Живот у него — аж рубашка трещит. Щеки толстые, румяные — как у балованного мальчишки, который ни в чем не знал отказа. Лицо открытое — невозможно представить, чтобы у человека с таким лицом были секреты. Стар всегда говорила, что Уок очень-очень хороший. Как будто в хорошестьи дело...

— Шла бы ты поспала.

Они сидели под дверью, пока не начали гаснуть последние звезды. Луна позабыла свое место. Бледнела, как пятно на новом дне, как напоминание о том, что минуло. Окно было прямо напротив них. Дачесс прижалась лбом к стеклу — к деревьям в больничном дворе, к виду на океан, к обрыву, который — она знала — вот как раз за этими деревьями. Запели птицы. Взглядом Дачесс скользила дальше, дальше, пока не выцепила с полдюжины колеблющихся точек на полпути к горизонту. Это были траулеры.

Уок откашлялся.

— Твоя мама... в том, что с ней, виноват мужчина?

— Мужчина всегда виноват. Без мужчины ни одна дрянь на свете не происходит.

— Это был Дарк?